

ЭО, 2009 г., № 5

© **А.В. Гринёв**. *S. Luehrmann. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2008. 196 p.*

Монография немецкой исследовательницы Сони Люрманн, проживающей ныне в Канаде, посвящена этноистории эскимосов алютиигов, населяющих обширный регион Южной Аляски (о-в Кадьяк, берега и острова зал. Принс-Уильям, материковую полосу на западе прол. Шелхова и часть п-ова Аляска). В конце XVIII в. здесь обосновались русские промышленники, пришедшие сюда в поисках ценной пушны после освоения Алеутских о-вов. Они называли местных эскимосов уже привычным этнонимом “алеуты”, который со временем превратился в их самоназвание – “алютиик”. Когда в 1867 г. Аляска была продана США, алютиики попали под контроль американской администрации.

При подготовке монографии С. Люрманн использовала документы Российско-Американской компании (РАК), которая управляла заокеанскими колониями России с 1799 по 1867 г., материалы русской православной церкви на Аляске (РПЦ), цензы переписи населения США, археологические данные, географические карты, записки путешественников, миссионеров и другие исторические источники, а также обширный круг научной литературы. Сопоставляя многочисленные данные, автор постаралась проследить динамику развития традиционных поселений алютиигов во времена Русской Америки и в американский период, а затем, сопоставив полученные результаты, проанализировать различия в колониальной практике России и США. Впрочем, как указывает С. Люрманн, расхождения наблюдались уже в особенностях демографического учета населения в царской России и США. Так, американские цензы фиксировали конкретных людей, находящихся в данный момент в данном месте – в своем доме, в другом городе, работающих на золотом прииске, плывущих на пароходе и т.д., в то время как российская статистика учитывала людей, приписанных к определенному селению, которые должны были нести определенные обязанности в отношении РАК и церкви. Автор объясняет подобные различия тем, что в феодальной России каждый человек был прикреплен к своему месту жительства, а социальная мобильность находилась под неусыпным контролем властей. В США, напротив, свобода перемещения и миграции была законным правом и частью национальной мифологии. Поэтому русские переписи фиксировали население крупных зимних селений алютиигов, которые в летний промысловый сезон реально пустовали, в то время как американские цензы могли учитывать семьи, находившиеся в летних промысловых лагерях по заготовке рыбы при минимуме людей, проживавших в зимних поселках во время переписи. Как справедливо подчеркивает С. Люрманн, при научном анализе необходимо иметь в виду эти особенности национальной статистики. Важным источником по этноистории алютиигов выступают также картографические материалы. Они наглядно демонстрируют уровень существующих географических знаний, расположение природных объектов и поселений, размещение туземного населения и туземные топонимы.

В монографии говорится о том, что РАК часто переселяла наиболее многочисленных алютиигов о-ва Кадьяк в другие места российских колоний (на берега зал. Катмай, на о-в Укамук, в Ново-Архангельск, в калифорнийскую крепость Росс и т.д.). При этом С. Люрманн полагает: русские до 1840-х годов не имели достаточной власти, чтобы изменить относительно дисперсную модель поселений кадьякских эскимосов (вывод, прямо скажем, весьма спорный). Лишь после страшной эпидемии оспы в 1837–1838 гг., которая привела к депопуляции туземного населения на 30%, русские в начале 1840-х годов смогли сконцентрировать выживших в семи крупных “общих селениях” под контролем утвержденных колониальными властями лиц. Но даже эти меры не могли помешать алютиикам вести промыслы вне селений в летний сезон, а порой перемещаться в другие местности, а потому демографическая статистика “общих селений” не всегда точна. Необходимо учитывать также, что помимо резкого изменения расселения алютиигов на Кадьяке с 1840-х годов параллельно наблюдался рост небольших поселений креолов (метисов) и колониальных граждан – престарелых служащих РАК, женившихся на аляскинских туземках и пожелавших навечно водвориться в колониях.

Пришедшая на смену РАК Аляскинская коммерческая компания (АКК) не обладала той властью над коренным населением, какую имела ее предшественница, а потому не могла при-

Андрей Вальтерович Гринёв – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

нудительно удерживать аляутииков в “общих селениях”. Неудивительно, что в начале американского периода произошел отток из них эскимосов на места их прежнего обитания для более эффективного использования местных ресурсов. При этом немало эскимосов Кадьяка, южного берега прол. Шелихова и побережья зал. Бристоль переселилось на южный берег п-ова Кенай, где существовали наиболее благоприятные условия для добычи калана. Однако упадок этого промысла к концу XIX в. заставил аляутииков переориентироваться на промысел и переработку лосося для рыбоконсервных предприятий, которые в этот период начинают строиться в Южной и Юго-Восточной Аляске. Правда, их хозяева не очень охотно нанимали местных эскимосов, предпочитая более опытных рыбаков из числа индейцев тлинкитов, а также скандинавов, китайцев, филиппинцев и японцев. Полный запрет на добычу калана с 1911 г. заставил аляутииков окончательно забыть о своем традиционном промысле и искать иные источники существования, для чего они нередко перемещались на новое место. Сильнейшее извержение вулкана Катмай 6 июня 1912 г. вынудило эскимосов покинуть его окрестности и эвакуироваться на Кадьяк и близлежащие острова. В 1920-е годы сел. Канатак на южном побережье п-ова Аляска стало притягательным местом для многих аляутииков региона благодаря развитию здесь нефтедобычи и рыбокомбинату, хотя уже в 1940-е годы этот поселок оказался заброшен после истощения запасов нефти, и аляутиики вынуждены были искать иные места для заработков. Миграции и работа по найму способствовали процессам аккультурации и метисации коренного населения, формированию смешанных семей (особенно со скандинавами), ориентированных на развитие рыболовецкого хозяйства.

Эскимосы чугачи (самая южная часть аляутииков), как и аляутиики Кадьяка в конце XIX в., стали концентрироваться вокруг рыбоконсервных предприятий, а после открытия золота в Клондайке приняли участие в обслуживании золотых приисков. По федеральному цензу 1920 г. численность чугачей достигла минимума за все годы переписей и лишь затем стала постепенно возрастать. В этот период часть из них втянулась в бизнес по разведению голубых песцов, обычно под руководством скандинавов (имевших жен-эскимосок) и креолов.

В целом за более чем 200 лет господства русских и американцев этническая территория аляутииков кардинально не изменилась, отмечает С. Люрманн, но произошли заметные перемены в формах их расселения. Так, в период пушной охоты (конец XVIII – конец XIX в.) наблюдалась тенденция к концентрации коренного населения в поселках, где имела торговая лавка, церковь и школа и существовали возможности относительно легкой заработка. В целом, как пишет автор, аляутиики продемонстрировали достаточную миграционную гибкость, откликаясь на требования экономики и административное давление властей. С. Люрманн выступает против “романтизации” жизни коренного населения Аляски периода Русской Америки в сравнении с последующим американским. Она не согласна с тезисом о том, что американская система полностью поработила аляутииков, превратив их в пролетариат на рыбных промыслах и рыбоконсервных предприятиях. Автор указывает, что это был неоднозначный процесс, тем более, что в русский период истории Аляски принудительный труд зависимых туземцев применялся весьма широко. По мнению С. Люрманн, это было вызвано следующими обстоятельствами. Дороговизна организации торгово-промышленных экспедиций на Камчатке и в Охотске на Алеутские о-ва и Аляску в XVIII в., а также большие транспортные расходы по доставке аляскинской пушнины для продажи китайским купцам в Кяхту заставляли купеческие промышленные компании придерживаться максимально низких расценок на приобретаемые в Новом Свете меха. Как пишет С. Люрманн, ясак (подать пушнинной в царскую казну), который платили зависимые туземцы Аляски, хотя и подлежал отмене по указу Екатерины II, но так и не был заменен свободной торговлей. Вместо ясака для аляутииков была введена обязанность добывать меха на морских промыслах в специально организованных байдарочных флотилиях – партиях – под руководством русских промышленников. В отличие от канадских индейцев, продававших свою пушнину британской Компании Гудзонова залива (КГЗ) в обмен на европейские товары, аляутиики практически не получали за свои меха европейские изделия (что подтверждается археологическими раскопками), поскольку их не всегда хватало даже самим русским. Лишь с 1830-х годов ситуация начинает меняться к лучшему, особенно после соглашения между РАК и КГЗ о снабжении российских колоний английскими товарами.

Анализируя социально-экономические отношения, сложившиеся между РАК и зависимыми туземцами, автор отмечает, что они напоминали систему крепостничества. Причем преимущество в обладании огнестрельным оружием и практика взятия заложников-аманатов среди местных жителей кажутся С. Люрманн недостаточными для объяснения того, почему горсть

русских промышленников могла поддерживать свое господство на Кадьяке и заставлять туземцев работать на РАК. С ее точки зрения, не менее важное значение имело то, что компания взяла на себя роль посредника в обмене результатов труда мужчин и женщин (последние шили теплую и непромокаемую одежду для мужчин, поставлявших сырье для ее изготовления), которые ранее реализовывались в рамках домохозяйства. С. Люрманн остроумно замечает, что РАК уподобилась господствующей семье в вождестве, организуя, регулируя и контролируя процессы редистрибуции, в том числе таких продуктов и материалов, которые имели жизненно важное значение для местного населения. Подобная система, как пишет автор, предполагала минимальные изменения в традиционном быте аляутиков и минимальные затраты на использование их труда, пока демографическая ситуация и политическая конъюнктура не потребовали перемен в плане регламентации принудительного труда и более рачительной заботы о поредевшей рабочей силе. Создание “общих селений” на о-ве Кадьяк позволяло колониальному начальству успешнее оказывать коренному населению медицинскую и при необходимости продовольственную помощь. При этом С. Люрманн справедливо замечает, что эти меры в конечном счете служили экономическим интересам РАК, которая стремилась таким образом сохранить главный объект своей эксплуатации.

Автор указывает, что РАК старалась разделить аляутиков и креолов на отдельные “сословия”, поскольку они выполняли в колониальном обществе различные экономические функции. Первые добывали пушного зверя на морских промыслах, а вторые во многом подменяли собой русских промышленников и служащих, доставка которых из метрополии и снабжение припасами и товарами ложилась бременем на бюджет компании. Правда, к концу существования Русской Америки колониальная администрация пыталась приучать детей креолов к зверобойному промыслу, но большинство их родителей считали недостойной подобную “алеутскую” работу. При этом С. Люрманн отмечает то обстоятельство, что РАК уделяла главное внимание контролю над статусами мужского населения колоний, в то время как женщины аляутиков могли достаточно свободно менять свой статус, выходя замуж за русских или креолов.

После перехода Аляски в руки США промысловая деятельность аляутиков изменилась: вместо крупных байдарочных флотилий получила развитие индивидуальная охота или добыча калана мелкими байдарочными партиями. Был ликвидирован принудительный труд туземцев на морских промыслах, а конкуренция между американскими торговцами за пушнину привела к повышению благосостояния местных жителей. Стремясь перехватить меха раньше своих конкурентов, американские компании, и в первую очередь АКК, основали множество мелких торговых точек, которые притягивали местных туземцев, что усиливало наметившуюся после 1867 г. дисперсность расселения аляутиков.

С точки зрения С. Люрманн, различия между русскими и американцами в методах приобретения пушнины не сводились лишь к принудительному и товарному способу. Тем более, что имела место тенденция все большей коммерциализации получения мехов от зависимых туземцев в период Русской Америки в соответствии со все большим количеством и ассортиментом доставлявшихся на Аляску европейских товаров. С другой стороны, тенденция к монополизации торговли мехами со стороны АКК постепенно вела к падению расценок на пушнину и развитию долговой кабалы, что было одним из излюбленных приемов ее предшественницы – РАК. Тем не менее перемены были значительными. Если в период Русской Америки аляутиками были главной рабочей силой в основной отрасли колониального хозяйства – пушном промысле, то после прихода американцев они превратились в трудовых маргиналов (особенно после упадка добычи каланов), когда пытались наниматься в подсобные или сезонные рабочие на рыбоконсервные предприятия, прииски, зверофермы или стройки. Американские предприниматели практически не нуждались в их труде, предпочитая вербовать либо более квалифицированных европейцев, либо безработных и дисциплинированных китайцев. Если РАК старалась организовывать и поддерживать общины аляутиков во главе с избранными ими и утвержденными колониальной администрацией тоенами (старшинами) по примеру крестьянских общин в самой России во главе с деревенскими старостами, то подход администрации США был иным. Американцев интересовало не коренное население, плохо вписывающееся в реалии капиталистической экономики, а природные ресурсы Южной Аляски. Эти различия в подходах к местному населению нашли определенное отражение в критериях официальной статистики: если в российской основной упор делался на религиозную и сословную принадлежность, а также оседлость, то в американских цenzax – на расово-этнические признаки. С другой стороны, гендерный принцип в российской и американской статистике был единым,

поскольку использовалось общее правило патрилинейного доминирования, не позволявшее проследить происхождение по женской линии, так как женщина сначала носила фамилию отца, а затем – мужа.

Помимо анализа различий в политике российской и американской администрации в отношении алютиков в фокусе внимания С. Люрманн оказались такие проблемы, как расхождение в практике РПЦ и протестантских течений в отношении туземного населения Аляски после ее покупки США, взаимоотношения между алютиками и креолами, американцами, китайцами и японцами, а также другие сюжеты, рассмотреть которые не позволяет ограниченный объем рецензии.

В заключении С. Люрманн указывает, что сопоставление колониального опыта России и США на Аляске было бы неполным без понимания глубоких различий в развитии самих метрополий. Социально-экономическая политика в отношении коренных аляскинцев очень рельефно отражала дифференциацию между русскими и американцами, в частности, по вопросу о туземных общинах. Если представители РАК старались их всячески поддерживать, то администрация США – разрушить, пусть и не прямым воздействием. В целом же “аляскинский” опыт, как подчеркивает С. Люрманн, оказался уникальным для российской и американской колонизации.

Подводя общий итог, можно с уверенностью сказать, что монография С. Люрманн является важным, интересным и во многом новаторским этноисторическим исследованием одной из групп коренного населения Аляски. В то же время некоторым недостатком монографии является недоучет новейших опубликованных источников и работ, среди которых следует назвать сборник статей “Власть в аборигенной Америке” (Власть 2006), где есть материал и об алютиках. Рассматривая колониальную статистику, С. Люрманн не упоминает такой важный источник, как “Ведомость о народонаселении в колониях Российско-Американской компании, 1 ноября 1824 г.”, где перечислены не только все селения кадьякских эскимосов, но и дана текущая численность их населения с разбивкой по полу и возрасту (Российско-Американская компания 2005: 175–177). Кроме того, в работе С. Люрманн учитывается в основном механическое движение населения при учете главным образом экономического и экологического фактора. На наш взгляд, при описании миграционных процессов и создании новых поселений необходимо принимать во внимание такие важные показатели, как рождаемость и смертность (включая болезни, пьянство, несчастные случаи, суицид и т.д.). Правда, автор пишет о влиянии на алютиков серьезных эпидемий (оспы в 1835–1840 гг. и гриппа в 1918–1919 гг.), но помимо эпидемических заболеваний существовали и другие, оказывающие значительное влияние на численность коренного населения, его здоровье и репродуктивные способности, что не могло не сказываться и на его миграционной активности. Наконец, следует уточнить, что принудительный труд алютиков на пушных промыслах с 1790-х годов не заменил отмененный царскими властями ясак, поскольку работа туземцев на промыслах имела иную причину – долговую кабалу со стороны купеческих компаний, а не зависимость от государства. Причем даже когда в 1821 г. принудительный труд алютиков в пользу РАК был законодательно закреплен государством, он не имел прямой связи с практикой взимания ясака, которая продолжала существовать в Сибири.

Эти замечания, однако, не снижают в целом высокой оценки рецензируемой монографии, в которой хорошо прописаны сложные социально-экономические процессы, имевшие место в обществе алютиков за последние 200 лет. Книга неплохо иллюстрирована старинными картами и фотографиями. Дополнительную ценность исследованию придает публикация в монографии статистических данных из архива РПЦ на Аляске, а также цензов переписи США за 1843–1912 гг.

Литература

- Власть 2006 – Власть в аборигенной Америке. М.: Наука, 2006.
Российско-Американская компания 2005 – Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1815–1841 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 2005.